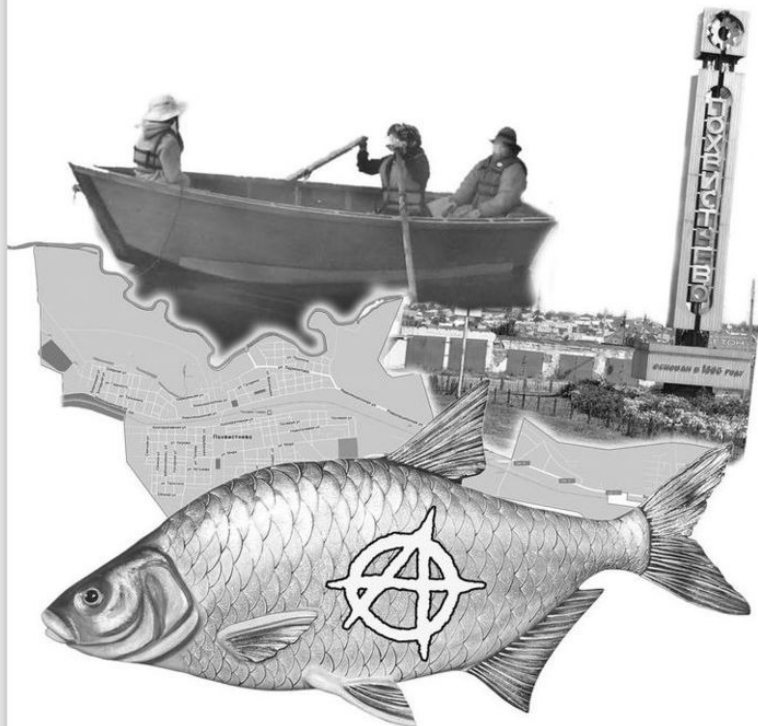

Алексей Караковский

18+
Похвисинево

русский народный апокалипсис

Алексей Караковский Похвистнево. Русский народный апокалипсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412395

ISBN 9785449374875

Аннотация

В 2016—2017 годах автор разместил в соцсетях серию рассказов под названием «Похвистнево», герои которых – простонародье, чиновники, хипстеры – живут в Поволжье и иногда в Москве. Три десятка историй объединены фирменным авторским почерком – жёстким чёрным юмором, увлекательными, иногда фантастическими сюжетами, бескомпромиссной критикой русской жизни, самоиронией, полным отсутствием политкорректности и цензуры. Одним словом, «Похвистнево» – это «русский народный апокалипсис», как он есть. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Тараканы и кокаин	5
Похвистнево	6
Не зашло	10
Негабаритный предмет	11
Вечный мужик	13
Случай под мостом	15
Яблочко созрело	16
Забывчивый Бельчеев	19
Радио Хуйня	20
Лень и горечь	23
Выходные	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Похвистнево
Русский народный
апокалипсис**

Алексей Караковский

© Алексей Караковский, 2020

ISBN 978-5-4493-7487-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тараканы и кокаин

Дамир смотрел на окно из-за неплотно закрытых век. Окно меняло форму и степень освещённости. «Прикольно! Вот на хуя ещё какие-то блядь наркотики, когда есть просто окно, и на него можно смотреть?», – думал он.

– Ты чё? – спросил Динияр.

– Да вот блядь, в окно смотрю. А ты чё?

– А я на тараканов смотрю.

– И чё тараканы?

– Лопаются – в соответствии с гипотезой исследования.

– Покажь.

Динияр подвинул ближе к Дамиру популяцию тараканов, живущую в белой лабораторной коробке. Сквозь отверстия для воздуха, просверленные в прозрачной крышке, было хорошо слышно, как разрываются на куски хитиновые тела.

– Охуеть. То есть, они ползают по кокаину и лопаются от смеха?

– Да.

– Ну и заебись. Пошли домой.

Динияр смахнул коробку в ящик стола, не забыв сунуть в карман белого халата остатки кокаина.

Похвистнево

Профессия риэлтора в условиях кризиса – дело неблагодарное. Ну вот вкалывал ты, всё у тебя ладилось, деньги текли как вода, и в голову бы никогда не пришло их экономить. А тут работаешь столько же, а денег нет, потому что «рынок стоит», и никто не хочет купить очередную хату, чтобы сделать в ней подобие ремонта и сдать её каким-нибудь сраным хачам. Так что и получается, что через сито всех этих кризисов и экономических упадков прошли только полные идиоты, не способные освоить никакое иное ремесло, кроме риэлторского.

Но даже они могут уйти из дела, если им выпадет «чёрная метка». Умудрённые опытом профессионалы знают это слово и с ужасом передают его из уст в уста благоговейным шёпотом. «Похвистнево» – вот то, что может сломать судьбу каждого из них.

Вообще-то ничего особенного в Похвистнево нет. Мало кому известный пристанционный городок между Самарой и Уфой, население которого едва превышает двадцать восемь тысяч человек. Русские, чувашаи, татары, мордва. Две газеты, три завода. Повзрослев, выпускники школ уезжают, главным образом, в Самару, потому что город-миллионник это хоть и не Москва, но тоже неплохо. Риэлторов в Похвистнево почти что нет – кроме Ромы Кадочкина, местного

дурачка и, по совместительству, журналиста. К своему счастью, Рома не успел оформить похвистневскую сделку века – именно благодаря этому он и по сей день радуется горожан своими проникновенными рекламными текстами в газетах «Товары и цены» и «Похвистневский вестник». Однако, началась эта история совсем не в Самарской области.

Летом не пойми какого года, когда нефть стоила сушие копейки, а Китай её почему-то не покупал, в московский офис крупной риэлторской компании явился необычный гражданин. И если его внешность (о, чего стоил один лишь итальянский костюм-тройка!) в целом соответствовала имеющейся роскошной жилищной собственности, то всё остальное изумляло. Гражданин намеревался продать свою наследную пятикомнатную квартиру на Котельнической набережной с видом на Кремль и купить на вырученные деньги однокомнатную квартиру в городе Похвистнево. Сделка по продаже была осуществлена в считанные минуты, и в Похвистнево полетел запрос об имеющихся там объектах.

– Ничего не понимаю, – задумался Рома, читая электронное письмо, – пятнадцать миллионов за однушку? Да у нас и цен-то таких нет.

В Москву был отправлен отрицательный ответ.

«Охренеть! Ему что, деньги не нужны?», – крутили у виска московские риэлторы, уже получившие свою долю с продажи.

Не выказав признаков удивления, гражданин вежливо по-

прощался и покинул офис. После на удивление недолгой процедуры обналичивания пятнадцати миллионов, он сел на поезд и менее через двое суток уже оказался на месте. Рома встретил его на станции в компании с участковым оперуполномоченным Дашкиным, у которого были ключи от всех подъездов.

Гражданину понравилась первая же попавшаяся квартира – старенькая, со скрипящими дощатыми полами, грязной кухней, вшивым диваном, на котором умерла забытая внуками бабушка.

– Я плачу пятнадцать миллионов, – сообщил гражданин.

Сумма совсем не удивила ни риэлтора, ни полицейского.

– Миллион восемьсот, – ответил Рома, – Наследники выставили её по такой цене.

– Вы понимаете, что я говорю? Пятнадцать миллионов. Вы можете заплатить наследникам столько, сколько им требуется, а остальное оставить себе.

– Но они и так мне заплатят. Так что извините, миллион восемьсот, и ни рубля больше.

– Это Ваше последнее слово?

– Да.

Гражданин тяжело вздохнул.

– Простите, вы не могли бы мне дать возможность здесь побыть одному минут десять? Я бы хотел обдумать кое-что в спокойной обстановке.

Рома посмотрел на часы. Было без десяти шесть, и как раз

хотелось курить.

– Есть сигарета, Палыч?

Дашкин кивнул.

Вернувшись спустя десять минут, Кадочкин и Дашкин увидели гражданина повешенным на люстре. Денег при нём не было. Тем же вечером в пятикомнатной квартире на Котельнической набережной нашли повешенными всех московских риэлторов, получивших свою долю с проклятой сделки.

Следствие ничего не сумело доказать, и дело было закрыто.

Не зашло

Говорят, у Хлебной площади на кольце столкнулись два встречных трамвая – и как после такого лютого конфуза рассказывать какие-то истории? Ладно-ладно, пошутил!

Короче, одна пятнадцатилетняя девочка случайно забеременела, а потом и вторая. Решили они покончить с собой, забрались на крышу заброшенного элеватора, где, собственно, и наткнулись друг на друга.

– Ты чё тут делаешь?

– Да вот, залетела, хочу с собой покончить.

– Бга-га-га, я тоже! А давай вместе помрём?

– А давай!

Взялись они за руки, пошли по крыше, и что-то перехотелось им умирать. Уже ночь наступила, потом и утро, а они всё ходили-ходили, но никак не могли собраться с духом. Сели на краю крыши, обнялись.

– Может, не будем умирать? – сказала одна, – ну не знаю, соврём что-нибудь.

– Ну ладно, не будем, – ответила другая, – не зашло, так не зашло.

И не умерли они. И не родили. И не родились.

Потому что не зашло просто.

Негабаритный предмет

Иной раз люди сталкиваются с тем, что им совершенно некуда себя деть. Но на самом деле надо куда-то девать не себя, а других.

Доктор социологических наук профессор Семён Семёнович Будько преподавал в университете по будним дням с утра до вечера. Выходные же делились так: в субботу приезжал аспирант Саватеев с очередными фрагментами своей научной работы, а в воскресенье – студентка Климкина, потрахаться. Саватеев и Климкина не знали о существовании друг друга, просто приезжали, делали своё дело и уезжали, оставляя профессора одного среди любимых книг и телевизора.

Однажды в субботу Семён Семёнович сошёл с ума.

– Мне нужна молодая кровь! – заорал он и бросился на Саватеева.

Саватеев отошёл в сторону. Профессор упал и умер. «Куда бы его деть?», – подумал аспирант. Тело пришлось засунуть в шкаф – больше Саватееву ничего в голову не пришло.

За вечер субботы и утро воскресенья Саватеев перемерил все вещи профессора и присвоил себе все его научные достижения. В два часа пополудни на пороге появилась Климкина.

– Можно не предохраняться, я беременна, – сказала она

Саватееву с порога.

Они ебались часа четыре, пока совсем не устали. После этого Климкина решила сделать уборку – всё-таки ей надо было рожать. Но не успела она даже набрать ведро воды, как вдруг из шкафа выпал труп профессора.

– Какой он негабаритный. В мусоропровод не пролезет. Хотя я видела во дворе большой контейнер. Может, туда?

Саватеев и Климкина выбросили труп в контейнер и стали жить-поживать, пока не умерли. А их трупы выбрасывали в контейнер уже совсем другие люди, в том числе и сын Климкиной, которому к тому времени было лет двадцать, если не больше.

Вечный мужик

В одной деревне под Бугурусланом жил вечный мужик.

Ну, точнее, сначала-то он не был вечным. Обычный такой мужик был – пил без просыху, не работал ни единого дня, бабу свою бил, а она его любила, потому что свой, родной. Дочь у них Анька была, ей тоже перепадало.

Однажды на день рождения кто-то по недоумию пожелал мужику жизнь вечную – а она возьми да сбудься. И вот живёт мужик, пьёт, дерётся, а не стареет. Уже и баба его потихоньку сдавать начала, и дочери без малого шестнадцать лет, а он всё такой же бодренький да жизнью довольный, и нет ему никакого сноса.

– Так я же, значит, теперь не простой, а вечный! – понял мужик, – значит, за мной будущее! А раз я один такой, и будущее только за мной, то, значит, могу делать, что захочу!

Первым делом показалось ему старой его баба, выгнал он её и решил найти девку помоложе. А тем временем в Оренбуржье уже все знали, что в одной деревне мужик вечный завёлся, и повалила к нему целая толпа девиц, все как есть за будущим.

Как только увидел мужик столько баб, понял он, что не просто так появилась эта благодать. Ежели в нём такой талант и такая глубина теперь существуют, это значит, ни больше, ни меньше, что теперь вся Россия зависит только

от него одного!

Был он хоть и бездельником по жизни, но аккуратным и практичным. Построил девок в очередь и каждую выебал по разику. Если не забеременела, ебал ещё, на будущее нации работал. Обработал сто, обработал двести баб. Под конец уж и Анька не выдержала, говорит: «Пап, трахни ты и меня тоже, хочу в ногу со временем идти». Мужик дочь свою любил, выебал и её, а то как же без будущего-то.

Кончилась эта история, когда бабы рожать начали – всё сплошь мёртвых младенцев. Не получилось у них будущего. Мужик загоревал, запил по новой, а потом к бабе своей вернулся, и она его приняла – а как же, ведь свой, родной. Потом, говорят, всё же подход с перепоя – к своему и общественному облегчению. А Анька уехала в Орск, вышла замуж за таксиста, родила двоих, и без будущего не осталась. Так что у сказочки этой счастливый конец, а не как обычно в жизни.

Случай под мостом

Есть у нас в Самарской области речка Сок, а через неё старый мост. Сейчас по нему уже не ездят, а раньше движение было очень приличное, даже маршрутки ходили. И вот как-то упала одна такая маршрутка в реку. Ну, понятное дело, какое-то время ушло на то, что все переумирали, а потом началось интересное. Пассажиры открыли глаза, удивляются, что маршрутка остановилась. А водитель и рад бы поехать, да некуда, вокруг куча других машин, утонувших ещё раньше.

– Чего стоим? – спрашивает он у водителей.

– Известное дело, пробка! – отвечают ему.

– Ребята, ну как же так, нам в Волгу добраться надо!

– Дык всем надо! Зато, когда доедем, совсем другое дело будет – говорят, там «четвёрка» по Яндекс!

Сел водитель обратно в маршрутку, а её уже песком начало заносить. Так и занесло полностью, не доехала она до Волги.

Яблочко созрело

«...очень жаль, что знатные люди имеют на этом свете больше власти топиться и вешаться, чем их братья-христиане». Шекспир.

Василия сначала выгнали с работы, а потом жена. Идти ему было некуда, из вещей у него была лишь бутылка пива, и он остался, где был – на лавочке у детской площадки.

День был рабочий, и во дворе никого не было, кроме трёх девочек лет восьми, играющих в жмурки. Розовые рюкзаки с феями Вингс, диснеевской Русалочкой и пони были брошены на траву. Нещадно измятая школьная форма вызывала сочувствие. «Хорошо, родители не видят», – думал Василий. Детская возня отвлекала его от мыслей о самоубийстве.

– Яблочко созре...

– ...вает!

Эта нехитрая переключка свидетельствовала о том, что девочки ещё не нашли себе укрытия, и их подружке с надвинутой на глаза чёрной шапкой рано идти их искать.

– Яблочко созре...

– ...вает!

Девочка в чёрной шапке устала ждать и сделала несколько неуверенных шагов вперёд. «Лишь бы не ударилась ни обо что», – забеспокоился за неё Василий.

– Яблочко созре...

– ...лю!

Шапка оказалась чересчур непроницаемой – её обладательнице приходилось идти наощупь, шаря по сторонам руками. К счастью, ноги сами несли её к девочке, сидящей на лестнице у горки. Чтобы остаться незамеченной, девочка попыталась незаметно передвинуться в сторону, но не тут-то было.

– Настя, переходить нельзя! – обиженно крикнула третья подружка, выдав тем самым своё собственное местонахождение – Ну ладно, можно!

– Так нечестно! – обиделась ведущая и сняла шапку.

– Ну ладно, ладно, прости. Настя теперь водит.

Настя надвинула шапку на глаза и демонстративно встала спиной к подружкам, чтобы её ни в чём не подозревали.

– Яблочко созре...

– ...вает!

Василий допил пиво и уставился вглубь горлышка. Воображение рисовало, как он идёт на пятый этаж своей хрущовки, как по лестнице поднимается на чердак, оттуда проникает на крышу и, наконец, падает во двор, на асфальт перед детской площадкой, оставив позади всю эту чёртову хреновень, из которой нет и не может быть выхода. Девочек, конечно, жалко, не стоит им такое видеть...

– Яблочко созре...

– ...вает!

...а ведь если подумать, его жена ни в чём не виновата. Какого чёрта она должна его кормить, это мужик должен заботиться о бабе, разве нет? Она знает, что он гордый, что он не в состоянии примириться даже с мельчайшим поражением. А если он умрёт, она же наверняка подумает, что погубила его, а потом так или иначе будет дальше жить с этой виной. Разве это то, чего он хотел? А чего, собственно он хотел? Хотел, чтобы закончилась эта невыносимая обида, прекратилась душевная боль. Какое, на самом деле, эгоистическое, недостойное желание. Как глупо сидеть здесь, ничего не предпринимая...

Резко поставив пустую бутылку в урну, Василий пошёл к подъезду, поднялся на последний этаж, залез на чердак. Обойдя крышу по периметру, он бросился вниз с другой стороны дома.

Яблочко созрело.

Забывчивый Бельчеев

Бельчеев устроился на работу, а с первой зарплаты решил выпить. Глядь – а выпить-то и не с кем, пока работал, все друзья разбежались. Ну и решил выпить с кем попало.

Постучался к соседке. Та оказалась беременная, но посидеть рядом согласилась. Бельчеев налил себе водки, а ей сока.

– Танька, тебе рожать скоро?

– Да в марте.

– Боишься?

– Боюсь. Плохого много рассказывают. Я ж не рожала ещё.

– А ты не бойся.

Целый вечер они так и сидели, разговаривали. Бельчеев водку пил, пока не допил, соседка сок пила, пока не допила. А потом выяснилось, что Бельчеев алкоголик – продолжил он пить. Пил несколько дней, остановиться не мог. С работы его выгнали, а он так и пил до самого марта, пока соседка не умерла при родах. Вот только тогда он пить прекратил, но было поздно – как ни старался, так и не смог он уже вспомнить, о чём они в тот вечер разговаривали.

Радио Хуйня

Не минуло и месяца после судьбоносных Шанхайских соглашений, как в Москву прибыла рабочая группа по запуску первого в стране регионального китайского СМИ. Хотя добро на лицензирование было ими получено непосредственно от Президента, в Федеральном Агентстве всё равно произошёл беспрецедентный переполох.

– «Радио Хуйня»? Им хоть объяснили, что это значит по-русски? – кипятился заместитель министра.

– Китайцы наотрез отказываются менять название, – грустно отвечал представитель администрации президента.

– Но почему?

– Ссылаются на какие-то маркетинговые исследования, согласно которым слово «хуйня» пользуется бешеной популярностью у русских, а также устойчиво ассоциируется со СМИ.

– Но ведь это прямое нарушение закона о ненормативной лексике!

– Ну, китайцы, конечно, уверяют, что на их языке это слово не значит ничего особенного, тычут в свои грёбанные Шанхайские соглашения и вообще всех отправляют к Деду.

Заместитель министра понял, что если дело решено на таком уровне, то лучше уже не соваться со своим мнением.

К удивлению многих новоявленное радио стало вещать

вдали от китайских границ и даже от самих китайцев – а именно в Самаре и Самарской области. Китайским на его волнах было всё – и музыка, и новости, и даже реклама. Вскоре русские радиостанции, поначалу в голос смеявшиеся над конкурентами, поняли, что «Радио Хуйня», не закатывая рукавов, отобрало у них всю аудиторию.

– Как это может быть? Ведь слушатели не понимают ни слова! – этот вопрос не давал покоя и директорам, и рядовым служащим местных радиостанций. Чтобы ответить на него и заодно спасти репутацию, журналисты «Радио Шесть Соток» Клим Фролов и Зоя Отставная решили выяснить все как есть у простых самарцев. Первым пунктом на их пути стало ТТУ и троллейбус №15, из которого раздавались заунывные звуки китайской попснни. Решив, что троллейбус им подходит, Клим и Зоя подошли к водителю.

– Как вас зовут?

– Боря, блядь, а чё?

– Типа хотели спросить, что за радио вы сейчас слушаете.

– Да я чё, ебу что ли? Хуйню какую-то.

Стало понятно, что китайские маркетологи попали в яблочко, как минимум, с названием, но дело было явно не только в этом. Студент Иван сказал, что слушает китайские новости, потому что они не грузят и не навязывают свою позицию. Кондукторша Марина поделилась, что готова на всё, лишь бы больше никогда не слышать Киркорова и Стаса Михайлова. Менеджер по продажам Лиля призналась, что со-

гласна уже даже насовсем уехать в Китай, только бы подальше от русской рекламы.

Все лето самарские радиийщики боролись за рынок, но это были конвульсии умирающего. В сентябре на месте «Радио Шансон», «Радио Дача» и «Авто-Радио» появились новые русские станции – «Радио Пиздец», «Радио Ебанько» и «Радио Охуеть». А языками вещания у них стали тамильский, амхара и эсперанто.

Лень и горечь

Самарские старожилы рассказывали, что однажды глухой зимней ночью на перекрёстке Ульяновской и Ленинской молодой и подающий надежды Алексей Пешков повстречал старого и больного Максима Горького, после чего навсегда перестал быть самим собой.

Выходные

Одеяло и подушка пахли чем-то попсовым. Дамир с трудом приподнял голову. Алёна спала, слегка приоткрыв рот, и не казалось такой красивой, как накануне. Стараясь не разбудить её и Наташу, Дамир поднялся с кровати. Самира и Аня трогательно обнимали друг друга во сне. Не удержавшись, Дамир провёл пальцем по торчащему в его сторону Катиному соску. Катя не пошевелилась.

После чудовищного количества алкоголя и секса, перенесённого организмом за эти дни, было тяжело держаться на ногах. Дамир заглянул в приоткрытую дверь ванной. Оксана и Настя мылись в душе. «Пошли к нам!» – позвали они его, но Дамир отрицательно помотал головой.

На кухне царил оживление. Маша и Кристина мазали бутерброды, Алина, такая же голая, как и все остальные девушки, варила кофе. Туалет был кем-то занят. Больше идти было некуда, и Дамир сел на пол прямо в коридоре, прислушиваясь к нарастающему хаосу в своей голове.

– Заебал дрыхнуть! Просыпайся уже, дебил! Я, что ли, за тебя дежурить буду? – слышался вопль Динияра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.